

18+

София Семина

*О Родине,
и о любви,
и о судьбе...*

София Николаевна Семина О Родине, и о любви, и о судьбе...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22572285
ISBN 9785448360077*

Аннотация

Семина София Николаевна в стихи вложила свою любовь, нежность и доброту ко всему, что её окружало, а также и память о войне. Стихи от всей её души, наполненной добротой, нежностью, любовью и гордостью за свою Родину и своих учеников и за весь свой великий народ, победивший в Великой Отечественной войне. Эта книга как попытка вернуть ей частицу тепла и любви, которой ей так не хватало при жизни. Любите и уважайте своих родителей: пишите, звоните, навещайте. Им так это нужно.

Содержание

И о любви и о судьбе...	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

О Родине, и о любви, и о судьбе...

София Николаевна Семина

© София Николаевна Семина, 2016

© Александр Николаевич Семин, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-6007-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С думой о Родине

Есть в человеке самое сильно чувство – любовь к родной земле. Однажды моя внучка сказала учительнице: – Для меня родина начинается с бабушки. Интересно, что она думает сейчас о Родине?

А что для меня Родина?

Моя Родина небольшая в 18 домов деревушка Ельцино на Вологодской земле. В ней я родилась и выросла. Там прошли детские годы, опалённые войной, прошла юность. Там я встретила свою первую любовь. Несу эту любовь сквозь годы и никак забыть не могу. А ещё в моей деревне жили очень добрые, трудолюбивые дружные люди.

Деревня Ельцино. 1940 г.

Я люблю свою землю и утренний туман над рекой, и буйные вёсны, и золотую осень с её журавлиными прощальными

криками, и гам ребятишек в школе, когда распахнуты окна. Кажется, всё люблю: и лес, и поле, и цветы на лугу, и песни, которые звучали и сейчас иногда звучат в исполнении Анатолия Соловьяненко (...выйди, коханая, хоть на хвылиночку в гай), Дмитрия Гнатюка («Черемшина»), Марии Кодряну («Ляна») и Надежды Чепраги («Кодры»), не менее душевные песни ВИА «Сябры» и «Песняры», Ярослава Евдокимова, Людмилы Зыкиной да Полада-Бюль-бюль-Оглы, который всё сказал за нас своей песней:

А ещё я считаю родным кишлак Хосакор, что в Бухарской области, где работала учителем русского языка. Коллектив нашей школы имени Ленинизма был по истине многонациональным: узбеки, русские, татары, таджичка, казах. И все были одна дружная семья. Мы никогда не видели недоброжелательных взглядов ни от детей, ни от взрослых. Нас всегда встречали улыбкой и пожилые, и мо лодые. Школьная уборщица хола-мулло постоянно приглашала: – Апа, ноне! Каттык ич! (Сестра, хлеб кушай, молоко пей). Все заботились, чтоб нам жилось хорошо вдали от России: и колхозный бригадир Орипов разрешал лакомиться персиками в колхозном саду, и секретарь райкома КПСС Салимов, и председатель сельского совета Маска Хайитова, и дед Хамдам, привозивший почту в школу, и седобородый аксакал, приглашавший в гости и радующийся, что русские зашли в его дом. Это доброе отношение не было показным. Спустя много лет я написала в своём стихотворении:

Сорок два года проработала в школе и постоянно из года в год учила любить родную природу и нашу многонациональную Родину, её людей. Что для меня Родина? Конечно, Советский Союз, Россия.

У меня было много друзей на просторах нашей великой страны, которая гордо звалась СССР. Все они, друзья мои, тоже любили Советский Союз. Мне везло на хороших людей. Вот и летели письма в мой северный край с Украины, из Молдовы и Ташкента, Керчи и Чувашии. Вместе с ребятами радовались и мы, учителя. Я до сих пор вспоминаю их: Неонила Семёновна Молявко из Черновицкой области, села Шишковцы Кичманского района. Иван Андреевич Чернов из села Чебручи, что в Молдове; Вера Александровна Тискач из школы №213 г. Ташкента; школьники Чувашии приславшие нам для поделок на уроках труда 9 кг желудей. Ребята из школы №19 г. Керчи много рассказавшие о море.

Ребятчи письма раскрывали нам величие нашей Родины, её просторов, знакомили с национальными традициями. И все мы были друзьями: молдаване и украинцы, чуваш и школьники многонациональной школы Ташкента. Мне и сейчас ой как не хватает их писем. Как жаль, что нет больше страны СССР!

Россия – моя большая Родина, пока ещё разграбленная и униженная. Но я её люблю. Хотелось бы только жить по-человечески, а не существовать по – нищенски. Поднимется ли русская сила, чтоб Россию снова сделать сильной, мо-

гучей, настоящей матерью всем, живущим на её просторах. Как бы хотелось не только вольно дышать свободой, и жить полноценной жизнью, чтоб люди относились друг к другу по-людски, без зависти, с открытым сердцем, чтоб кругом была доброта, чтоб трудиться мог каждый, а не мучился в поисках работы. И чтобы труд снова стал делом чести, доблести и героизма.

– Я не буду, не буду стареть
Если рядом любовь со мной.
Если сердцем могу согреть,

Сердце нашей страны родной

Далеко, ты, Россия,
Но была я родня
Черноглазым узбечкам,
Что встречали меня
Загорелые лица
Хлопкоробов-друзей.
Долго будут мне сниться
И в России моей

Ширь раздольных лугов и пашен
родных небес синеву,
Белопенный разлив ромашек.
Я Россией моей зову.

Я родилась в России. От души говорю:
За суровую нежность я Россию люблю.
За суровую долю край люблю дорогой
Потому что на свете нет России другой!

И о любви и о судьбе...

*«Ах, стоит ли сердце тревожить,
Давнишнюю боль бередить!
Да вот ретивое-то гложет,
Не может, что было, забыть»
(Гребнёв. «Вдовья песня»)*

Жизнь. Какая она у меня? Счастливая? Может быть. Что-бы понять, и пишу о ней. Родилась я 28 сентября 1934 года. Считаю сентябрь счастливым месяцем. И день рождения, и именинница-30 сентября, и имя доброе родители дали. Моя мама Седунова Клавдия Александровна была безграмотной, из бедняков. Отец, Николай Ильич, тоже не из богатей (в семье было шестеро детей). Папа был председателем колхоза «Правда» (ныне «Родина»). Как помню, он каждое лето уходил на переподготовку в Кушубу. Ему приходилось сдавать на время службы колхозные дела заместителю. И всегда всё было в порядке. Помню, раз я вместе с ним ходила на колхозный покос. Женщины в шутку толкнули его в речку, а я плакала.

Мама и отец 1933 г.

Жила с нами и бабушка Анна Николаевна, строгая, немножко суровая. Жили дружно, на мир смотрели открыто, без зависти.

Мама, б. Анна и я с сёстрами (Ниной и Риммой) я в центре

1939 г.

Папа воевал и в финскую войну. Ещё до войны он посадил 10 яблонек, а в морозную зиму 1940 года выжила только одна. Росла эта яблонька в годы Великой Отечественной войны, и после ещё долго плодоносила. Мы угощали яблоками тётю Шуру и соседей, говорили: «Это вам от Николая Ильича». Помню, как отец возвращался с финской войны. Мы его ждали весь день, выбегали к дороге посмотреть, а встретили только вечером у шоссе. Шёл он с фанерным чемоданчиком. Достал гостинец (лепёшку с голубикой) и подаёт. А Римма не берёт, говорит, что у нас свои пироги есть. Младшая Нина ещё в люльке качалась, не помнит. Римма никак не шла к папе, отвыкла (ведь ей было всего-то 3 года). И всё спрашивала у мамы: – Твой папа пришёл. А когда наш-то придёт? Потом он купил куклу, и дочка привыкла к нему. С этой единственной купленной игрушкой и выросли мы.

Папа (в центре) 1939 г.

Папа (Седунов Николай Ильич) 1938 г.

У нас был маленький старый дом. Решили строиться. Купили большой сруб. Мама спросила отца: – Зачем нам такой большой дом? На что он ответил: – А у нас будет много детей. Много будет. Но дом так и не достроили. 12 июня 1941 года его снова взяли на переподготовку, а 22 июня началась война. Привезли их из Кушубы в Вологду, в Красные казармы, а 29.06. уже отправили на фронт.

Помню, в тот вечер мы со взрослыми садили колхозную

капусту. Вдруг прибежала на поле бабка Настасья, босоногая, в широкой длинной юбке, и закричала: Клавдия, Николай отправляют! Мама вместе с дядей Колей побежали на вокзал, он по путям (его как железнодорожника пропускали), а мама в обход. Успели к поезду. Отец на вопрос мамы, как жить, ответил: – Живи, как знаешь. Раздалась команда: – По вагонам! Состав тронулся, а мама упала без сознания. Добрые люди привели в чувство. В семье машиниста Г. Синицина отпоили чаем. Так и началась жизнь по-новому. Надеяться не на кого было. Прибавилась тоска о папе.

1.09.1942 года я пошла, в 1 класс с таким чёрным чемоданчиком, в котором лежала тетрадь и карандаш, что дала соседская девчонка Галинка. Маме некогда было ни собирать в школу, ни провожать, т. к. С трёх часов утра была на молотье. Я несколько раз в это утро бегала в овин, чтобы спросить у мамы, не пора ли в школу (времени-то на часах не знала). Так и стала школьницей. Ни одежды, ни обуви настоящей не было. Запомнились валенки с обтрёпанными голенищами, которые потом мама наставила обрезками из фетровой шляпы. А днями круглый год мама работала на птицеферме. Мы с бабушкой помогали ей. Привезут, бывало, инкубаторских цыплят, а им тепло надо. Мы с мамой и спали на птичнике. Ночью станет прохладно, цыплята и запищат. Начинаем печку топить чугунную. Согреются эти жёлтые комочки и затихнут. И так до утра: то дремлем, то цыплят обогреваем.

Помогали мы взрослым и сено сушить, колхозный огород пропалывать да поливать. Ползали две бабушки (Августа и Агния) да орава ребятишек. Тут и смех, и игра, и слёзы. Но работа спорилась. С удовольствием вспоминаю начало сенокоса. На сенокос всегда одевались красиво, чистенькие, аккуратные. Наверное, не зря говорили, что на работу шли, как на праздник. Нам, детям, так нравились наши нарядные мамы – труженицы! Большую радость доставляла нам река Лоста. Она далековато от деревни. А мы сразу за деревней скидывали одежонку и бежали по тропинке между двумя стенами ржи, неслись на реку, перебегали шоссе. Шофёры иногда кричали на нас (хорошо ещё в то время мало машин ходило в карьер). Мы так любили нашу речку, очищали её от осоки.

Вернусь к 1-му классу. В классе была одна коробочка карандашей на всех. Тетради нам шила из серой бумаги Мария Николаевна. Она всё куталась в белый вязаный платок. Улыбалась нам как-то тепло, никогда не повышала голоса. Один раз мы собирали посылку для фронта. Мама Сони Малютиной сшила и вышила кисет с надписью «Дорогому бойцу». Я тоже сшила какой – то мешочек из лоскутка крепдешина (сероватого цвета с фиолетовыми цветами), что мама принесла для игры в куклы.

Хотелось одеть самодельную куклу понаряднее, в шёлковое платье. Да вот решила своим детским умом, что кисет важнее. И сшила. И ещё принесла клюквы и тоже положила

в посылку. Другие ребята тоже клюкву принесли и сухари.

В декабре 1942 года папа погиб под Сталинградом. Получили похоронку. В тот день я дома не ночевала, не пустили, отвели к соседям. Думала, почему? Не понимала тогда ещё горя.

Запомнился день Победы. В класс пришёл председатель сельского совета, Ястребов и сказал: – Война кончилась. А сам заплакал. Я тогда училась в 3-ем классе.

Что ещё вспомнить из детства? На уроках физкультуры в начальной школе приходилось плохо. Руки, ноги замерзали. Военрук кричал: – Запевай! А мы замерзшими губами порой не могли и звука издать. Ползали по-пластунски по глубокому снегу. Еле согревались в классе около печки. Холодно и в классе было, чернила замерзали. А пели мы часто одну песню (припомнила куплет):

Суровый голос раздаётся,

Клянёмся землякам:

– Покуда сердце бьётся,

Пощады нет врагам.

В голодные 1946—47 годы «гуляли» по полям в поисках колосков и перемороженной картошки, ели лебеду и клевер. Чуть не умерли. Трудно было, что и говорить. И люди моей деревни помогали друг другу выжить. Спустя 50 лет, в 1997 году одна женщина Нина Ивановна на поминках у мамы рассказала такую историю:

– В голодный год мы вашей матери отдали тесто. Хотели

сами хлеб печь, да в тесто мышь угодила. Мышь с частью теста выкинули, испекли хлеб, сами не ели, а отдали Клавдии, вашей маме, пусть хоть девчонок поддержит немного, а то, как былинки, качаются от голода. А про мышонка умолчала». Женщина извинилась. Мы ей ответили: А может и выжить этот хлеб помог, да доброта людская. И мы, три девчонки, не подвели деревенских, вышли в люди. Они к нам всегда с уважением относятся.

Дом наш остался холодным (до войны поставили без пакли и мха, а за войну осел, так что уже не проконопатить).

В 1946 году у нас появился отчим. По просьбе мамы я стала звать его папой, и сестрёнки тоже. Он фронтовик, имел орден Красной Звезды, несколько медалей да два тяжёлых ранения (вот и всё богатство). Прожили они с мамой не менее 30 лет. Вот и сравниваю его с нынешними неродными отцами. И вижу, что он совсем другой был, человек из того поколения, что прошло горнило войны, но не растеряло доброты. И отчим тоже. Мы выросли, выучились. Я – учитель. Римма – бухгалтер. Нина – строитель. Теперь уж нет родителей в живых, а мы всё помним их. Похоронены они рядышком (тут же и мой сын Николай). Могилки всегда ухожены.

Когда я училась в 5-м классе (в голодный год) мне, как лучшей ученице, давали от школы хлебную карточку (400 г. в день). Я приходила в магазин и, стоя в очереди, всё мечтала о том, чтобы продавец дал хлеб с довеском (хлеб тогда был весовой). Тогда я брала довесок в рот и просто, как кон-

фетку, сосала, чтоб подольше чувствовать вкус хлеба. А если довеска не было, все 400 грамм приносила домой не тронув. Дома ждали сестрёнки. Они уже съели свою порцию баланды. Приходилось с ними делиться и хлебом, и так называемым супом.

В августе 1947 года стало легче. Созрели семена клевера. Мы их приносили домой, толкли в ступе, а потом мама приносила из города ситро, мы заливали клевер сладкой водичкой и ели. Потом поспела рожь. Из зерна стали варить кашу. Председатель колхоза Н. И. Ячин молчаливо разрешал женщинам брать несколько горстей зерна. Потом он так и говорил:

– А если я не дам им несколько горстей, то некому будет хлеб убирать. Всеждали, чтобы хоть чёрного хлеба поесть вдоволь. Потом всё наладилось. В 6-м классе вступила в комсомол. До сих пор в памяти номер первого комсомольского билета (27264549), а второй билет и сейчас храню.

За всё своё детство ни разу не пришлось побывать в пионерском лагере. Зимой учёба, летом работа, работа. Всплывают в памяти эпизоды детства, опалённые войной. Три девочки дома, мал – мала меньше. У младшей сестрёнки я и Римма были няньками (бабушка Анна умерла в феврале 1943 года. Нине было 3 года). Однажды копали картошку, а Нина бродила, бродила, путаясь в картофельной ботве, устала, видимо, и уснула. Хватились, а малышки нет. Бегали, плакали, искали. Через какое-то время она проснулась, вста-

ла, стоит и улыбается. Нашлась потеря. Бывало, и подшлём-нем её. Воли хочется, а с ней куда убежишь? Вечером она жаловалась маме: – Меня били. А мама в ответ: – Били да не убили и ладно. Трудно тогда было с сахаром. Дадут к чаю чайную ложку песку и всё. А мы уж больше и не просили, понимали взрослых. Откроешь шкаф, а там ни хлеба, ни сахара. Хлопнешь дверцей посильней и опять на улицу. В конце войны в нашем недостроенном доме жили солдаты (стояла в деревне воинская часть). Поваром был Костя Демченко. Он всегда нас чем-то угощал. Один раз мы уронили пустую солдатскую кухню в пруд, испугались и убежали на Леоново (боялись повара, так как он сказал: – Всех на телят переделаю). Один из солдат Пётр Захаров, охотник-сибиряк, запомнился. Он маму всё замуж звал. Очень добрый был. Он отстреливал лосей для в\ч, подвозил воду с реки (в колодцах зимой вымерзла) и для жителей деревни привозил воду. Работал на уборке льна и хлеба так скоро, что 10 женщин за ним не успевали снопы вязать. После войны он снова звал маму к себе, в Сибирь (в леспромхоз где-то около Тобольска), а она не решилась ехать. Вот сейчас я думаю, а если бы он жил с нами, нам жилось намного легче, были бы как за каменной стеной. Не чета Василию Фёдоровичу (отчиму), хотя он был тоже добрый, но... не во всём умелый. Вот недавно я упомянула местечко Леоново, где знали каждый кустик, где какая ягода растёт. Через Леоново тянулась канава далеко-далеко. По-детски рассуждали, что

мол до Москвы доведёт. Решили проверить. Долго шли, бежали. И вывела нас эта канава к соседней деревне Лисицино. Вот вам и Москва! Москва казалась совсем близко. Видели где-то в районе Грибково пожарную вышку – думали, вот там и Москва, и Кремль. Какие же наивные были! Пасли с двоюродным братом колхозных овец. Повстречали цыганку. Та нагадала, что найдём кошелёк со 100 рублями. Искали. Не нашли. Обманула цыганка.

Цветы мы очень любили. Плести венки – одно из любимых занятий было. У кого лучше? Да у всех красиво получалось, особенно венки. Кто-то выпрашивал у девчонок, кто-то выхватывал из озорства. Но обид не было. Цветов хватало на всех. (Об этом можно прочесть в моём стихотворении «Детство, опалённое войной»!). Моя тихая родина – деревенька Ельцино, где жили замечательные люди. На фронт ушли 14 человек, вернулись 7. Остались сиротами 14 детей, в том числе и мы трое. Все жители деревни чем-то добрым знамениты. Один ёлку устроил для малышни, другие поднимали 5-и парнишек, оставшихся без матери, третий отдал тулуп пастуху, так как тому нечего было надеть. Кто-то угощал мёдом, разрешал рвать черёмуху, у других лакомились яблоками. Иной в голодную пору находил картофельную оладушку для чужого ребёнка (для меня), хотя своих было семеро. Потом многие уехали в город к своим детям. Моя мама дольше всех жила в деревне. Но случилось, что бабушки – старушки со своей снedyю приходили из города в дерев-

ню: – Клавдия, мы к тебе, говорили, – Захотелось на родину. И несколько дней попивали чаёк из самовара да вспоминали прожитое. А потом довольные уезжали. Наверное, благодаря им, я и полюбила поэзию Некрасова, когда будучи школьницей, по их просьбе читала отрывки о хозяйке без мужа в доме, о берёзе без вершины из поэмы «Мороз Красный нос».

Давным – давно, в детстве, мы любили смотреть в бездонное голубое небо, давать названия облакам (вон гора, а вон-вон рыбки плывут), смотрели на чистую воду в реке Лоста. Весной слушали звон капли. Любили и осень с её золотом и журавлиными прощальными криками. И дружили по-настоящему. Девчонок в деревне было много. Но подруга одна Вера Вера Лохова (теперь Антонова). В детстве и юности не мыслили и дня прожить друг без друга. Помню однажды, когда возвращались из школы, около кладбища напугали нас парни. Все убежали, а Вера отставала (после больницы была). Схватила я её за руку и побежали вместе. Кажется, мелочь? Да нет! У обоих испуг прошёл, потому что вместе были. Потом она переехала жить в город. Но очень часто – то я приезжала к ним на Малую Фроловку, то она к нам в деревню. Что сближало нас? Может стеснительность. Нам неудобно было громко смеяться, осуждать других. Мы просто жили открыто и честно, так, чтоб рядом с нами и другим хорошо было. Доверяли друг другу все свои тайны. И сейчас, когда мы уже поседели, остаёмся всё равно подругами, хотя встречаемся и не часто. И всегда рады друг другу.

Лучшая подруга, 1952 г.

А ещё хочу рассказать о своей первой любви. Мне просто повезло быть в числе тех, кому довелось пережить настоящую большую любовь. Вот сижу за столом, уронив на руки седеющую голову и всё думаю, что лучше его я не встретила. Он моя радость, моя сердечная боль. Жаль, что рано ушёл из жизни. Главным для меня было то, что он был рядом, встречал меня добрым взглядом и улыбкой. Может, никто не поверит, что можно всю жизнь любить и не быть вместе. А у нас так вышло. Были, как два берега у одной реки, рядом, а не вместе. Важно было то, что глаза сияли от радости встреч. И сейчас, кажется, всё могу, а вот забыть его – нет! Вспоминаю до мелочей нашу юность. Сначала книги на двоих, потом носилки с сеном на двоих. Однажды он просил подарить букет полевых цветов. И я подарила, но слишком поздно. Через 40 лет, когда он умер, принесла большой букет алых циний. И горько-горько плакала. И вот уже много лет продолжаю носить цветы ему на могилу да пишу стихи для него (они в этой тетради: «Был сделан подарок», «Два письма», «Мне бы только», «Любовь продолжается», «Хочется мне повторить», «Ивушка», «Продолжаю любить» и т.д.)

Помню его возвращение из армии. Шла я городом в центре, а он ещё в солдатской форме догнал меня у порта. И столько радости было в его глазах! Потом я уехала в Узбекистан (кончился отпуск). Все друзья и подруги просили писать им письма, а он сказал: – Мне так, наверное, нико-

гда не напишешь. Но прошу – напиши. И я ему написала. В конверт положила какую-то цветущую веточку. И ответ получила. Очень красивым почерком было написано письмо. От письма, казалось мне, веяло радостью. Он просил писать письма и ждал их. А мне было неудобно писать (считала себя некрасивой, дурнушкой, не парой ему). И написала только единственное письмо (Стихотворение «Два письма»).

Помню день, когда я вернулась из Бухары домой насовсем. Был вечер. Молодёжь играла в волейбол. Я поздоровалась со всеми. А после игры он подошёл и произнёс тихонько: – Давай ещё раз поздороваемся с тобой. Так и сказал. Девчонки всегда хотели нас оставить вдвоём. Однажды он пригласил в кино, сказав, что на всех купил билеты. Я прямо из школы явилась к кинотеатру им. Горького с сумкой тетрадей. Подруг не оказалось. Он стоял один. Увидел меня, заторопил в зал. Смотрели фильм вдвоём (подруг так и не было). Он что-то говорил, а я так неудобно себя чувствовала. Девчонок нет, да ещё эта сумка так не кстати. Я обиделась из-за того, что подруги не пришли. А позднее – то поняла, что это было наше свидание, которое я испортила и этой сумкой с тетрадями, и 10-ю рублями, что отдала ему за билет (сунула в руку и убежала). На другой день он в отместку сдачу принёс. Часто по деревенской привычке ходили тогда гулять в деревни, где отмечались престольные праздники. Однажды пошли в Горку. Саша был там в гостях. Обрадовался, когда нас с девчонками увидал, ведь свои как-никак, деревенские.

Взял меня за руки и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.